

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Ивановой Елизаветы Вячеславовны
на тему: «Лингвотекстологический анализ «Епитомий» Константина
Арменопула в переводе Епифания Славинецкого»
по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России»

Диссертационное сочинение Е.В. Ивановой посвящено переводческому творчеству Епифания Славинецкого и представителей его школы, прежде всего – Евфимия Чудовского. То, что сама по себе эта тема, несмотря на существование немалого количества исследований, посвященных языковому эксперименту грекофилов, снова и снова находит новых приверженцев и поворачивается все новыми гранями, свидетельствует не только о притягательности языкового материала, оставленного нам Славинецким и его учениками, но и актуальности ее для понимания общих процессов сложения русского литературного языка в ближней ретроспективе. Когда-то автор этого отзыва полагала, что языковой эксперимент грекофилов, несмотря на свою оригинальность и лингвистическую пассионарность его участников, интересен лишь сам по себе – он как будто бы остался своего рода тупиковой ветвью исторического формирования стандартного языка, но с течением времени и углублением в тему я изменила свое мнение: этот фрагмент языковой истории, пусть и косвенно, дал толчок к развитию ряда потенциалов, заложенных в языке, – прежде всего это касается возможностей словообразования и стилистики, но также – в той или иной степени – и других языковых уровней. И работа Е.В. Ивановой наглядно подтверждает эту мысль.

Новизна диссертационного исследования лежит на поверхности – это включение в круг изучаемых переводов школы Славинецкого произведения нового для их исследователей жанра – памятника церковно-юридической направленности. Но этим не исчерпывается новый подход в исследовании

диссертанта. Проведена очень тщательная, кропотливая текстологическая работа, в том числе со списками, которые можно считать черновиками основного текста; в ходе этого исследования рукопись ГИМ, Усп. 91 была атрибутирована как автограф Епифания Славинецкого на основании как палеографических, так и языковых фактов. В результате этой работы также были намечены две ветви редактуры, формирующие текстологическую историю «Епитомий».

Основное внимание автор уделяет противопоставлению перевода Епифания Славинецкого и правкам, внесенным в него Евфимием Чудовским. И здесь снова можно подчеркнуть то новое, что характеризует исследовательскую фокусировку: если ранее большинство работ, посвященных грекофилам, были сконцентрированы на обнаружении общих черт, свойственных языковому творчеству представителей школы, то сейчас диссертант сосредоточился на маркировке различий между учителем и учеником в плане переводческих частных тактик и общих лингвистических установок и ориентиров.

При этом ни один тезис не может быть абсолютом, особенно в том, что касается творческой лаборатории грекофилов, и диссертант предельно объективно описывает случаи, когда Славинецкий отступает от своих же правил. Очень интересно подмечено в исследовании (с. 147 и 160), что нет прямой корреляции между переводческими решениями Епифания и лексикографическими единицами его Лексикона. То же касается и взаимоотношений переводчика и редактора с грамматиками. Это свидетельствует о постоянном стилистическом поиске Славинецкого и естественном характере его труда: узус беспрестанно корректирует фиксацию нормы, что и составляет диалектическую сущность языка.

Диссертация хорошо структурирована. Дабы вместить в ограниченное по объему сочинение материал, анализ которого склонен к беспредельному расширению, особенно в сфере лексики и словообразования, исследователь предлагает весьма изящное решение: после подробного введения в

текстологию памятника, без которого был бы бессмыслен всякий разговор о нем, разбор графических, лексических и словообразовательных особенностей дается *sub specie* влияния иноязычных традиций, а изучение морфологии и синтаксиса памятника проходит пунктиром по наиболее значимым в этой области вехам. На наш взгляд, это очень правильный подход к столь объемному и неоднородному материалу, который вместе с тем дает представление об основных лингвистических особенностях памятника.

Вообще четкость и структурированность изложения проявляется и в частностях. Это относится, например, к классификации глосс (2.4.2., 2.4.3., 2.4.4.); к нестандартному принципу распределения композитов на три группы: «1) распространенные и давно устоявшиеся в языке лексемы; 2) часто повторяющиеся в переводе сложные слова, также используемые авторами и в других своих текстах; 3) окказиональные композиты» (с. 131) и т.п. Это относится и к решению некоторых частных проблем. Например, остроумно и убедительно решается вопрос о том, какой из славянских эквивалентов более других соответствует греческому ἀμβλωθρίδιον (с. 135), или распутывается история, связанная с путаницей слов ὁ ἄφεδρὸν и ἡ ἄφεδρος (с. 96–99) и т.п.

Преимуществом работы, безусловно, является прозрачный и легкий язык изложения, не теряющего при этом признаков научного стиля.

Обоснованность и достоверность положений и выводов диссертации, таким образом, не вызывают сомнений, потому что, во-первых, они основаны на объемном текстологическом материале; во-вторых, исследование этого материала проведено с опорой на внушительную теоретическую базу; в-третьих, избрана верная методика исследования, позволяющая получить надежно объективные результаты.

Диссертационное исследование Е.В. Ивановой, несомненно, полезно в лексикографической практике, образовательной деятельности, а также оно вносит вклад в изучение языковой школы грекофилов и имеет в связи с этим неоспоримое теоретическое значение.

Дискуссионную часть отзыва я начну с обсуждения некоторых иноязычных (прежде всего греческих) примеров, которые вызвали мой интерес и желание дополнить исследование своими предположениями и замечаниями.

1. На с. 42-43 излагается история перевода греческого выражения ὡς ἐπιλόχιον: ѡкѡ епілохіонъ (в черновом варианте Славинецкого: Усп. 91, л. 33) – аки породинное (в редакторской правке Евфимия Чудовского: Син. 129, л. 47). Речь идет о категорически запрещенном 79-м канонем Трулльского собора обычае после празднования Рождества Христова печь некие хлебцы и делиться ими ὡς ἐπιλόχιον. Канонические комментарии к этому правилу обтекаемо поясняют, что таким образом запрещается воспоминание родовых мук Богородицы, которая их не испытывала, так как рождение было безболезненно как непричастное греху и тлению. Канонического толкования придерживается и диссертант. Однако прозрачная внутренняя форма греческого слова, которую верно передал Евфимий как породинное, свидетельствует о физиологичности символики данного обычая (ср. лат. placenta – букв. ‘лепешка, выпечка’), отсюда и суровость запрета. На наш взгляд, это замечательный пример языковой интуиции переводчика, раскрывающего истинный смысл сказанного.

2. На с. 147 утверждается, что «μαρτύρημα этимологически включает в себя слова μαρτυς – свидетель и ῥήμα – высказывание и тем самым имеет более сложную морфемную структуру, чем μαρτύριον, которое состоит из основы μαρτυς и финали -ιον». На самом деле здесь нет связи со словом ῥήμα: μαρτύρημα образовано суффиксальным способом от глагола μαρτυρέω, подобно тому как, скажем, слово θεώρημα – от θεωρέω и т.п.

3. На с. 148 объясняется происхождение древненемецкого spilman (spiloman) от spil ‘петь’, но, справедливости ради, двн. spilen или spilon (как и современное spielen) имеет значение ‘играть (в т.ч. актерствовать)’; значение ‘петь’ у него не зафиксировано.

Три следующих замечания носят более общий характер.

4. В разделах 2.4.3. и 3.12 автор упоминает о некоторых случаях взаимовлияния латинского и греческого языков диглотты, с которой был сделан перевод. Не отразилось ли в каком-либо виде влияние латинской части этого сборника в славянском переводе (и его редактуре)? Ведь даже Евфимий, несмотря на то что на словах отвергал всякую латинщину, допускал в своих трудах случаи латинской интервенции.

5. В разделе о словообразовании асимметрично, на наш взгляд, представлены параграфы о приставках и суффиксах: если в отношении приставок говорится об их калькировании (что, кстати, имеет смысл только в общей структуре слова, так что речь, скорее, идет о соответствиях греческих и русских приставок), то в параграфе о суффиксах рассматриваются только два форманта, которые отличаются тем, что заимствуются в церковнославянский. Кроме этой очевидной асимметрии, хотелось бы в принципе увидеть более подробный анализа суффиксов, поскольку в этом словообразовательном аспекте произведения грекофилов изучены недостаточно.

6. В связи с параграфом 2.2., который носит название «Конкуренция церковнославянских вариантов» и имеет внутри себя не выделенный в качестве подраздела, но озаглавленный фрагмент «Стилистические пары», предлагаю диссертанту подумать над проблемой: не являются ли все представленные в разделе варианты стилистическими? Во-первых, если стилистические границы пролегают между книжным и некнижным (с. 114), то стоит пересмотреть примеры, которые в работе характеризуются как «церковнославянские» (например, слово *древний* употреблялось, согласно «Материалам...» И.И. Срезневского, и в летописях, и в грамотах, то есть оно относится, скорее, к нейтральной лексике и т.п.). Во-вторых, в это время начинается стилистическая дифференциация внутри церковнославянского языка, которая более явно проявит себя в следующем столетии, но пока форенизацию в переводах школы Славинецкого можно вполне рассматривать как первые приступы такой дифференциации.

Указанные замечания носят преимущественно дискуссионный характер и не умаляют значимости диссертационного исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Иванова Елизавета Вячеславовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5 – «Русский язык. Языки народов России».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой латинского языка и медицинской терминологии
ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет»
Минздрава России

НИКОЛАЕВА Наталия Геннадьевна

10.09.2024

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
10.02.01 – Русский язык

Адрес места работы:

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 49,
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
кафедра латинского языка и медицинской терминологии
Тел.: 8(843)2362979; e-mail: natalia.nikolaeva@kazanmgmu.ru